

Идеи равенства привели к тому, что европейские государства постепенно останавливались на каком-то одном виде казни, уравнивающим социальные категории преступников и виды тяжких преступлений. Как правило, с точки зрения соответствующих законодателей и национальных традиций, это был один из наиболее гуманных или достойных видов казни. В США понимание свободы и демократии стало включать право приговоренных к казни самим выбирать из нескольких способов ее осуществления. В целом в европейской культуре смертная казнь как таковая, а не ее отдельные виды, стала восприниматься как высшая мера наказания. Поэтому обсуждение свойств смертной казни постепенно сместилось из области предпочтительности ее отдельных видов в область ее допустимости. Допустимость мучительных публичных казней больше не обсуждается. Речь теперь идет о моральной оправданности казни как таковой, но структура аргументации и семантика основных аргументов сохраняется.

Проблема тела в философской иммунологии

Похоже, что тело снова стало проблемой. Во второй половине XX века в постструктурализме тело с восторгом принималось как носитель «неструктурного»; оно жило собственной жизнью, несло в себе надежду на освобождение. Теперь же тело стало проблематичным потому, что существуют сложности с его определением в полидискурсивной ситуации. Сегодня слишком много различных тел. Так, открылось, что даже у короля как минимум два тела, причем совершенно разных, одно из них, «естественное», — единичное и смертное, а другое, «политическое», — универсальное и бессмертное¹!

По-видимому, о теле можно говорить только во множестве смыслов, нахождение некоторого всеобщего знаменателя оказывается невозможным. Как учит нас Ж.-Л. Нанси, тело — это «corpus»: «каталог вместо логоса»². Французский философ все время собирает корпус через перечисление, притом, что детали плохо подгоняются друг под друга и поэтому просто полагаются рядом, без какой-либо претензии на полноту. Кроме того, приходится выявлять *конструкции, образы, модели и интерпретации* тел, но не тело *само по себе*³.

Итак, без особого труда выявляются, как минимум, пять различных образов тел:

1. Тело обозначает некоторую глобальную органическую целостность, равную миру. Тело здесь — все, что есть, или все, что было, или все, что будет, — Пуруша, Пань-Гу, церковь как Тело Христово, Левиафан.
2. Тело субъекта, тело отдельного человека, «мое тело», экзистенция, тело действующее и страдающее.
3. Тело индивидуальное, калькулируемая отдельная единица; такое тело подвергается дисциплине, контролируется, определенным образом маркируется, сжигается в печах и т. п.

¹ См.: *Kantorowicz E. The King's Two Bodies. A Study in Medieval Political Theology. Princeton, 1997.*

² *Нанси Ж.-Л. Corpus. М., 1999. С. 80.*

³ См., например: *Саразин Ф. Открыто видимые тела. От анатомического спектакля к «психологическим курьезам» // Логос. 2010. № 1 (74). С. 53.*

4. Тело как пассивный объект, любая вещь, претерпевающая на себе действие различных сил. Это тело может быть, например, телом-снаружи — черным ящиком, поверхностью или телом-внутри — машиной.

5. Тело как инобытие, тело как Чужой (Alien) — то, что радикально отличается от тебя и в то же время является тобой, то, что субъект не может вынести в самом себе и поэтому от-чуждает.

Понятно, что любая классификация является неполной и «китайской». Это выражение «как минимум» оставляет неудовлетворенность и, возможно, надежду. В любом случае, разговоры о теле, попытки определить эту телесность, соотносить образ и реальность (есть ли она?) представляют собой движение между двумя крайностями: тела либо слишком много, либо чего-то в нем не хватает. Избыток и недостаток тела здесь определяется по отношению к границам привычного повседневного тела. Смысл метафизического движения заключается в межевании таких границ. Собственно телесность представлена как осцилляция между двумя крайностями, как изменение от избытка до нехватки и обратно⁴.

Избыток тела определяется, например, множеством образов — существует «много тел». Причем такая вариативность не только в воображении метафизики, но и в строгом и конвенциональном научном дискурсе. Так, например, можно обнаружить множество исторических метафор или социальных конструкций тела, которые наслаиваются одна на другую и смешиваются друг с другом в постсовременности⁵. В медицине, как показывает Аннемари Мол, в действительности выявляются различные представления об атеросклерозе, которые приводят к различному пониманию тела в рамках одной языковой игры⁶.

Избыток тела также в том, что тело как бы продлевается за счет некоторых дополнительных органов. Данная стра-

⁴ Избыток и нехватка рассмотрены С. Жижекком на примере фильмов Андрея Тарковского. См.: *Жижек С.* Вещь из внутреннего пространства // *Художественный журнал.* 2001. № 32. С. 25–35.

⁵ *Synnott A.* Tomb, temple, machine and self. *The Social Construction of the Body* // *The British Journal of Sociology.* Volume № 43. Issue № 1. March 1992. P. 79–110.

⁶ *Mol A.* *The Body Multiple. Ontology in Medical Practice.* Durham: L., 2002.

тегия осуществляется в рамках критики индивидуализма, а также в пересмотре принципа субъекции. Известно, что Хайдеггер открыл у Декарта субъекта как автономную единицу. Через «о-предмечивающее представление» или рефлексию субъект создает дистанцию, необходимую для освобождения и последующей манипуляции над объектом⁷. Однако после Делеза, Фуко и Альтюссер, субъект понимается как под-лежащее — то, что становится субъектом не через автономию, а через подчинение, суб-ординацию чему-то внешнему. Именно внешняя власть позволяет субъекту стать собой, обрести свою субъектность⁸.

При этом в данной концепции подчинения эмансипация субъекта от природы и иных порядков бытия здесь иллюзорна. В «Диалектике просвещения» хорошо показано, как насильные системы продолжают действовать в субъекте в неузнанном виде. Субъект наивно полагает, что освободился от природы, однако природа все равно подчиняет его через насилие⁹. Таким образом, субъект составляет с объектом взаимодействующую систему, а применительно к телу — тело продолжается за счет окружающей среды¹⁰. Как сказали бы Делез и Фуко, субъект — это складка на поверхности, а не отдельная самостоятельная единица.

Нехватка тела проявляется в том, что телесность как раз редуцируется к некоторой части, органу или фетишу. Телесность обнаруживается где-то внутри, в глубине как код или свод правил, либо на поверхности в границе, в кромке —

⁷ См.: *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // *Время и бытие* / М. Хайдеггер. М., 1993. С. 63–176; *Рено А.* Эра индивида: к истории субъективности. СПб., 2002.

⁸ См.: *Батлер Дж.* Психика власти. Теории субъекции. М.; Харьков, 2002.

⁹ *Хоркхаймер М., Адорно Т. В.* Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб, 1997. См. также: *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1995.

¹⁰ В сетевой теории акторов (ANT), тело понимается как сложная сеть, включающая в себя множество действующих лиц: *Latour B.* How to Talk About the Body? *The Normative Dimension of Science Studies* // *Body & Society*, Vol. 10, No. 2-3, 2004. P. 205–229; *Mol A., Law J.* Embodied Action, Enacted Bodies. *The Example of Hypoglycaemia* // *Ibid.* P. 43–62.

как у Нанси. Телесность как сущность является ключевым и выделенным элементом, который должен быть обнаружен, например, шишковидной железой, как у Декарта. Избыток и недостаток тела отменяют привычные границы тел. Подробнее смысл избытка и недостатка в понимании тела можно выявить на примере философской иммунологии.

Философская иммунология (ФИ) — это достаточно разнородное междисциплинарное направление, лучше даже сказать, зона обмена между собственно иммунологией, философией и обыденными представлениями. Известно, что иммунология — это биомедицинская дисциплина, в которой изучаются механизмы защиты организма от внешней среды на различных уровнях: клеточном, молекулярном, биохимическом. ФИ, во-первых, выступает как философия наук, выявляющая философские идеи в самой иммунологии¹¹. Иначе говоря, иммунология как бы нуждается в некой метафизической оснастке, поэтому проводится философская ревизия научных идей и выявляется влияние на иммунологию тех или иных философских концепций. При этом постоянно подчеркивается, что сама иммунология развивается от классической науки к неклассической науке.

Во-вторых, в самой философии выявляются те или иные иммунологические схемы, связанные с различением «своего» и «чужого», а также с принципами солидарности и индивидуализма. Так, например, считается, что в метафизике создаются иммунитеты для субъектов¹². В этом смысле иммунологические концепты приобретают универсальный и даже вечный характер и могут быть обнаружены на различных уровнях.

¹¹ См, например, работы: *Tauber A. The Immune Self. Theory or Metaphor? Cambridge, 1994;*

Tauber A. Historical and philosophical perspectives concerning immune cognition // Journal of History of Biology 1997. № 30. P. 419–440; Varela F. On the Conceptual Skeleton of Current Cognitive Science // Beobachter. Konvergenz der Erkenntnistheorien? Muenchen, 1990. S. 13–22; Ulvestad E. Defending Life. The Nature of Host-Parasite Relations. Dordrecht, 2007.

¹² *Слотердайт П. Сферы. Т. I. Микросферология. СПб., 2005. С. 63–66. Анализ иммунологического смысла некоторых философских концепций см в: Esposito R. BIOS. Biopolitics and Philosophy. Minneapolis, L., 2008.*

Вообще говоря, в философии всегда осуществляется поиск невидимой силы (бытие), которая, как уверяли Хайдеггер и Гераклит, скрывается и оказывает воздействие на все вещи. Хайдеггер, кстати, предлагает вслед за Новалисом определять философию как «ностальгию, тягу повсюду быть дома»¹³. Несложно выявить иммунологический смысл данного определения: каждое место во Вселенной становится тождественным любому другому месту благодаря настрою рассматривать Вселенную как целостность, как дом — известное и обитаемое пространство. Подобное понимание философии имеет еще одно важное иммунологическое следствие. Экзистенциальное желание «быть повсюду дома» означает, что человек хотел бы иметь иммунитет, то есть быть защищенным в любом месте своего пребывания.

В-третьих, существуют различные исследования иммунологического характера, в которых исследуются повседневные и культурные представления о влияниях, заражении, эпидемиях, вирусах и т. п.¹⁴ В подобных исследованиях стремление к защите от влияний и к самим влияниям считается универсальной антропологической характеристикой¹⁵. Вообще говоря, идея тотального заражения актуальна для того, что называют глобализацией и постмодерном, когда все со всем оказывается связанным не только в пространстве, но и во времени. Именно ФИ призвана выработать положения, которые могли бы помочь в объяснении данной ситуации¹⁶.

¹³ *Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 330.*

¹⁴ Здесь следует упомянуть известную работу М. Дуглас (Дуглас М. Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу. М., 2000). См. также: *Joffe H. Risk and 'the Other'. Cambridge, 2004; Plagues and Epidemics. Infected Spaces Past and Present. Ed. by D. Ann Herring and Alan C. Swedlund. Oxford, NY, 2010.*

¹⁵ Хорошо сказал П. Слотердайт в контексте своей Всеобщей Иммунологии: «Души — это захваченные и захватывающие сущности». См.: *Sloterdijk P. Foreword to Theory of Spheres. Interview with Jean-Christophe Royoux // Cosmograms. N.Y., 2005. P. 223.*

¹⁶ Об актуальности иммунной парадигмы в контексте сетевой реальности см.: *Featherstone M. The State of the Network. Radical Anxiety, Real Paranoia and Quantum Culture // Journal for Cultural Research. Vol. 12. № 2. April 2008. P. 181–203.*

Наконец, в рамках ФИ можно также выделить собственно попытки рефлексии по поводу обмена между наукой, философией и литературой. Говорится о том, что иммунная система — это сложный объект, существование которого так или иначе определяется социокультурной ситуацией, зависит от общества, эпохи, способа производства, метафизики и т. п. «Иммунная система является исторически специфической территорией, где с интенсивностью, сравнимой, может быть, только с биополитикой секса и воспроизводства, взаимодействуют: глобальная и локальная политика, исследования, получившие Нобелевскую премию; многоязычные культурные производства — от популярных диетических практик, феминистской научной фантастики, религиозного воображения и детских игр до фотографических техник и военной стратегической теории; клиническая медицинская практика; рискованные стратегии капиталовложения; изменяющие мир разработки в бизнесе и технологии; и глубинные личностные и коллективные переживания воплощения, уязвимости, власти, и смертности. Иммунная система является и иконическим мифическим объектом в культуре высоких технологий, и субъектом исследования, и клинической практикой первостепенной важности. Миф, лаборатория и клиника тесно переплетены»¹⁷. В дальнейшем нас будет интересовать именно это третье направление в ФИ.

Как уже стало ясно, ключевым в ФИ является понятие иммунитета. При этом иммунитет предлагается понимать предельно широко. Иммунитет, как известно, происходит от латинского слова *immunis*, которое противостоит по смыслу слову *communis*. Общий корень здесь *munus* — связанный с дарением, передачей. *Immunis* первоначально означало неблагоприятного субъекта, того, кто не отвечает на дар, а *communis*

¹⁷ Haraway D. The Biopolitics of Postmodern Bodies: Constitutions of Self in Immune System Discourse // Haraway D. Simians, Cyborgs, and Women. The Reinvention of Nature. L., 1991. P. 204. См. также: Martin E. Flexible Bodies: Tracking Immunity in American Culture From the Days of Polio to the Age of AIDS. Boston, 1994. Здесь статья Харауэй дается в неопубликованном пока переводе А. Г. Кузнецова. О гибридизации иммунологических дискурсов см. также: Social and cultural lives of immune systems / Ed. by James M. Wilce, Jnr. L.; N.Y., 2003.

применялось к тем, кто разделяет общие обязательства. *Immunis*, таким образом, относилось к лицу, свободному от обязательств обмена дарами. Иммунитетом тогда обладал тот, кто мог позволить себе не отвечать на дар, или тот, кто мог противопоставить себя общине (*communitas*)¹⁸. В этом смысле, когда говорится об иммунитете, то подразумевается также то, как соотносятся часть и целое, где проходит граница между ними, обладает ли часть автономией от целого, способно ли единичное не раствориться во всеобщем и т. п.

Таким образом, ФИ связана с когнитивными проблемами распознавания и с социальными проблемами автономии и включенности. Т. е. речь идет о распознавании себя и внешнего, выявлении отличия своего от чужого, правильной классификации «врагов» и поиске адекватного «оружия» для превентивных или деструктивных мер. Также ФИ показывает необходимость индивидуального или солидарного в зависимости от концепции, конструирования социокультурного иммунитета.

Итак, в ФИ тело редуцируется к иммунной системе. Редукция эта подвижная. Тело то полностью отождествляется с иммунной системой, то иммунная система является выделенным элементом тела¹⁹. В некотором смысле индивидуальное тело и иммунная система используются как синонимы²⁰.

Смещение тела и иммунной системы означает не конец тела, а новый образ тела²¹. Более того, избыток телесности определяется наложением нескольких образов: тело как фор-

¹⁸ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 80.

¹⁹ См.: Haraway D. Op. cit.; Martin E. The End of the Body? // American Ethnologist. Vol. 19. No.1. Feb. 1992. P. 121–140.

²⁰ Отношения между телом и иммунной системой сложные и запутанные. Так, например, Франциско Варела говорит о том, что СПИД сделал «идентичность тела хрупкой и подвижной, а иммунную систему называет «ключевым телесным феноменом». При этом само тело «может считаться (структурной) окружающей средой для разнообразных и в высшей степени интерактивных популяций белых кровяных клеток, или лимфоцитов, что составляют иммунную систему» (Varela F., Anspach M. The Body Think. The Immune System in Process of Somatic Individuation // Materialities of Communication. Ed. by Gumbrecht H.-U. and Pfeiffer K. L. Stanford, 1994. P. 273–274).

²¹ Martin E. The End of the Body? P. 121.

дистская система, в которой осуществляется контроль над всеми элементами, а также тело как система гибких разнообразных ответов, нестабильный объект, быстро реагирующая на изменяющуюся ситуацию.

Само тело/иммунная система при этом является выражением или образом сложной социальной системы. Тело материально и текстуально одновременно, находится на пересечении множества дискурсов. Телесность постоянно выходит за пределы Я, граница тела подвижна и неопределенна. Как пишет Харауэй: «Что в постмодерном, биотехническом, биомедицинском дискурсе конституируется в качестве индивида? На этот вопрос нет простого ответа, поскольку даже самые надежные западные индивидуализированные тела, мыши и люди в хорошо оборудованных лабораториях, не начинают и не заканчиваются кожей, которая сама является чем-то вроде кишашщих джунглей, угрожающих опасным слиянием [клеток], особенно с точки зрения сканирующего электронного микроскопа»²². Напекают даже на то, что иммунная система включает в себя не только «средства защиты», но и собственно самих «врагов». Франциско Варела и его коллеги развивали идею, что «Я» и «не-Я» в иммунологии не разделяются, а образуют некую единую сеть²³.

Итак, мы наблюдаем экспансию тела вовне, однако расширение происходит и вовнутрь. Иммунная телесность не ограничивается кожей, а таится где-то в глубине. Как пишет Харауэй, при рассмотрении фотографий компонентов иммунной системы, «в предполагаемом земном пространстве наших собственных внутренностей, мы видим непохожих на человека чужаков, считающихся средствами поддержания целостности и индивидуальности наших тел, фактически нашей человечности перед лицом мира других. Оказывается, что мы захвачены не только угрожающими «не-Я», от которых нас защищает иммунная система, но еще более основательно — нашими собственными странными частями»²⁴. Внутри происходит нечто пугающее и неизведное, тело уменьшается до некоторых клеток. Как показал Ричард Докинз, смыслом

²² Haraway D. Op. cit.

²³ См. подробнее: Varela F., Anspach M. Op.cit.; Varela F. Op. cit.

²⁴ Ibid. Н. 222.

существования организма, огромной машины, является воспроизводство, репликация некоторого кода²⁵.

Миниатюризация телесного приводит к феномену «тела в теле». Эмили Мартин замечает, что «невообразимо большое и невообразимо малое соединяются в одном и том же образе, действие обитает в клетках, персоне становится наблюдателем действия чего-то иного внутри него или внутри нее. “Я”, которое привыкло носить тело как множество хорошо подогнанных одеяний, теперь миниатюризируется и придавливается телом. Я становится пассивным и бессильным свидетелем поступков компонентов тела. Где-то в системе происходит действие; “Я” может только наблюдать»²⁶.

Таким образом, в философской иммунологии происходит рефлексия над деконструкцией классических форм телесности. Биомедицинская иммунология и философский дискурс поставляют друг другу новые образы, которые существенно изменяют и дополняют представления о теле. Данная рефлексия связана с пониманием смыслового смещения, миграцией телесности от избытка к недостатку и обратно.

²⁵ Докинз Р. Эгоистичный ген. М., 1993. Комментируя Докинза, Харауэй, в частности, пишет: «Многочлеточное тело является машиной по производству одноклеточных пропагун. Большие тела, как у слонов, лучше всего рассматривать как энергоемкие заводы и машины, временную непроизводительную растрату ресурсов, инвестированных с тем, чтобы впоследствии улучшить производство пропагун» (Ibid. P. 217).

²⁶ Martin E. Op. cit. P. 125.